

*Всеобщая история
бесчестья*

ПРЕДИСЛОВИЕ К ПЕРВОМУ ИЗДАНИЮ

Истории, созданные в повествовательной манере и составляющие эту книгу, были написаны в 1933–1934 годах. Своим рождением они обязаны, я полагаю, Стивенсону и Честертону, а также первым фильмам фон Штернберга и, возможно, некоторым биографическим данным Эваристо Карриего. Они способны сослужить плохую службу своим первоисточникам: многочисленные перечисления, неожиданная развязка, сведение всей жизни человека к двум-трем эпизодам. (Это авторское намерение заметно также и в новелле «Мужчина из Розового салона».) Они не являются психологическими рассказами и не пытаются быть таковыми.

Что касается сказочных историй, которые завершают книгу, то я — только их переводчик и читатель, не более того. Подчас я склонен думать, что хороший читатель еще более загадочен и уникален, чем хороший автор. Меня никто не убедит, что произведения, которые Вале-

ри приписал своему давнему персонажу Эдмону Тэсту, обладают большей ценностью, чем созданные позже письма его, Тэста, жены и друзей.

Чтение — это прежде всего форма деятельности, что идет вслед процессу писания; но только более смиренная, более изысканная, более интеллектуальная.

Х. Л. Б.

Буэнос-Айрес, 27 мая 1935 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ К ИЗДАНИЮ 1954 ГОДА

Прежде всего отмечу: барокко — это стиль, который осознанно исчерпывает (или желает исчерпать) свои собственные возможности и который соприкасается с карикатурой на самого себя. Напрасно Эндрю Лэнг, в тысяча восемьсот восемьдесят каком-то году, пытался подражать «Одиссеи» Поупа: произведение уже было пародией на самое себя, и пародист не смог бы превзойти автора. Барокко (бароко) — это одно из наименований силлогизма: XVIII век применил его к вычурности в архитектуре и живописи XVII столетия; я сказал бы, что завершающий этап любого искусства, когда оно исчерпывает себя и выставляет напоказ свои приемы, — барочен. Барочность — это умствование, а Бернард Шоу сказал, что любая умственная деятельность смешна. Смех — неосознанно для автора — ощущается в творчестве Бальтасара Грассиана; осознанно либо предумышленно он присутствует в творчестве Джона Донна.

Уже самым названием этой книги заявлена ее барочная природа. Переписать сейчас давние рассказы означало бы уничтожить их; я могу только сослаться на сентенцию «quod scripsi, scripsi»¹ (Ин. 19: 22) и, двадцать лет спустя, переиздать их без изменения. Они — не более чем игра неуверенного в себе автора, который не был склонен писать рассказы и который нашел себе развлечение в искажении и подделке (без какой-либо эстетической подоплеки) чужих историй. Эти весьма двусмысленные намерения привели к созданию наиболее тщательно отделанного рассказа — «Мужчина из Розового салона», — который написан от имени деда Франсиско Бустоса и который почему-то пользуется у читателей успехом.

В этом рассказе, построенном на разговорной речи, встречаются и некоторые книжные слова. Я ввел их в рассказ потому, что люди предместья, куманьки, поножовщики тяготеют к изысканной речи либо (данное суждение исключает иные, но, возможно, оно истинно) потому, что любой поножовщик индивидуален и никогда не говорит как поножовщик, который является не более чем умозрительной фигурой.

¹ «Что написал, то написал» (лат.).

Знатоки Великих Связей утверждают, что основа Вселенной — пустота. Они правы в отношении той малой частицы Вселенной, какой можно назвать данную книгу. Слово «бесчестье» в ее названии вызывает недоумение, висельники и пираты населяют ее, но в глубине людского водоворота нет ничего. Есть только видимость, оболочка образов; может быть, поэтому книга и нравится читателям. Человек, написавший ее, был совершенно неуверен в себе, но он написал ее ради развлечения и удовольствия; остается только уповать на то, что какое-то удовольствие получат и читатели.

В раздел «Et cetera» я добавил три новые истории.

Х. Л. Б.

*I inscribe this book to S. D.: English, innumerable
and an Angel. Also: I offer her that kernel of myself that
I have saved, somehow — the central heart that deals
not in words, traffics, not with dreams and is untouched
by time, by joy, by adversities¹.*

¹ Я посвящаю эту книгу С. Д.: сочетающей в себе все ангельское, несметное и английское. И еще: это подношение составляет самую мою сущность, то, что мне так или иначе удалось сохранить, — сердцевину себя, которая заключается не в словах, не в странствиях, не в сновидениях и не доступна ни времени, ни радости, ни ненастьям (англ.).

ЖЕСТОКИЙ ОСВОБОДИТЕЛЬ ЛАЗАРУС МОРЕЛЬ

Отдаленная причина

В 1515 году отцу Бартоломе де лас Касасу стало очень жалко индейцев, изнемогавших от непосильного труда в аду антильских золотых копей, и он предложил императору Карлу V ввозить негров, чтобы от непосильного труда в аду антильских золотых копей изнемогали негры. Этому любопытному извращению чувств филантропа мы обязаны бесчисленными следствиями: отсюда блюзы Хэнди, успех в Париже художника с Восточного берега Педро Фигари, превосходная проза, трактующая о беглых рабах, другого уругвайца, дона Висенте Росси, мифологическое величье Авраама Линкольна, пятьсот тысяч погибших в войне между Севером и Югом, три миллиарда триста миллионов, потраченных на военные пенсии, статуя мнимого Фалучо, включение глагола «линчевать» в тринадцатое издание Академического словаря, страстный фильм

«Аллилуйя», мощная штыковая атака Солера во главе его «смуглых» и «черных» в Серрито, прелесть сеньориты такой-то, негр, убивший Мартина Фьерро, пошлая румба «Эль Манисеро», пресеченный и заточенный наполеоновский порыв Туссен-Лувертюра, крест и змея на Гаити, кровь коз, зарезанных ножом папа-лоа, хабанера как мать танго, танец кан-домбе.

А кроме того, преступная и великолепная жизнь жестокого освободителя Лазаруса Мореля.

Место

Миссисипи, Мать Вод, самая длинная река в мире, была достойным поприщем для этого несравненного подлеца. (Открыл ее Альварес де Пинеда, и первым ее исследователем был капитан Эрнандо де Сото, конкистадор, который завоевал Перу и скрашивал месяцы тюремной жизни инке Атауальпе, обучая его игре в шахматы. Когда капитан умер, его могилой стали воды этой реки.)

Миссисипи — широкогрудая, бесконечно длинная и смуглая сестра рек Парана, Уругвай, Амазонка и Ориноко. Воды этой реки имеют цвет кожи мулата — более четырехсот миллионов тонн ила,

принесенного ими, ежегодно загрязняют Мексиканский залив. Такое количество почтенных древних нечистот привело к образованию дельты, где гигантские болотные кипарисы растут на отбросах непрерывно размываемого континента, а топки лабиринты, усеянные дохлой рыбой и заросшие тростником, все расширяют границы и мирную тишину зловонной своей империи. Севернее, на широтах Арканзаса и Огайо, также простираются низменности. Живет там желтолицее племя изможденных бедняг, болеющих лихорадкой, с жадностью глядящих на камни и железо, потому что у них нет ничего, кроме песка, да древесины, да мутной воды.

Люди

В начале девятнадцатого века (нас интересует именно это время) обширные хлопковые плантации на берегах Миссисипи обрабатывали негры, трудившиеся от зари до зари. Спали они в бревенчатых хижинах на земляном полу. Все родственные связи, кроме отношения «мать — дитя», были чисто условными и туманными. Имена были, но многие обходились без фамилий. Читать негры не умели. Мягким фальцетом они напевали свои песни,

удлиняя английские гласные. Работали рядами, согнувшись под бичом надсмотрщика. Порой убегали, тогда бородатые мужчины вскакивали на красивых лошадей, а сильные охотничьи собаки шли по следу.

К основе, состоявшей из животной надежды и африканских страхов, они прибавили слова Писания: их верой стала вера в Христа. Взволнованно хором они пели: «Go down, Moses»¹. В Миссисипи они видели некое подобие мутной реки Иордан.

Владельцами этой труженицы-земли и этих негров-рабов были праздные, жадные длинноволосые господа, обитавшие в больших домах, глядевшихся в реку, — с непременно псевдогреческим портиком из белой сосны. Хороший раб стоил дорого и тянул недолго. Некоторые были настолько неблагодарны, что вскоре заболели и умирали. Следовало выжимать из этих ненадежных типов максимум прибыли. Поэтому их держали в поле от первого луча солнца до последнего, поэтому ежегодно собирали со своих земель урожай хлопка, или табака, или сахара. Утомленная и задерганная непрерывной обработкой, земля быстро истощалась; в плантации вклинивались густые

¹ «Сойди, Моисей» (англ.).

заросли сорняков. На заброшенных фермах, в предместьях, в чащах тростника и на вониючих болотах жили poor whites, белые бедняки. То были рыболовы, охотники за чем придется, скотоводы. Они нередко выпрашивали у негров куски краденой пищи и в своем жалком прозябании тешились одной горделивой мыслью, что у них-то кровь чистая, без примеси. Одним из них был Лазарус Морель.

Наш герой

Публикуемые в американских журналах дагеротипы Мореля не аутентичны. Отсутствие подлинных изображений человека, столь запоминающегося и знаменитого, наверняка не случайно. Можно предположить, что Морель уклонялся от посеребренной пластинки главным образом для того, чтобы не оставлять лишних следов да, кстати, поддержать таинственность... Однако мы знаем, что в молодости он был некрасив и что слишком близко посаженные глаза и тонкие губы не располагали в его пользу. Впоследствии годы придали ему ту особую величавость, которая бывает у поседевших негодяев, у удачливых и оставшихся безнаказанными преступников. Он был истый аристократ-южанин, несмотря на нищее детство

и бесчестную жизнь. Недурно зная Священное Писание, он произносил проповеди с необычайной убедительностью. «Видел Лазаруса Мореля на кафедре, — записывает некий владелец игорного дома в Батон-Руж, штат Луизиана, — слушал его назидательные речи и видел, как у него на глазах проступали слезы. Я-то знал, что он прелюбодей, похититель негров и убийца перед лицом Господа, но и мои глаза плакали».

Другое яркое свидетельство этих благочестивых порывов исходит от самого Мореля. «Я открыл наугад Библию, наткнулся на подходящий стих у апостола Павла и говорил проповедь час двадцать минут. Не потеряли зря это время и Креншоу с товарищами — они покамест угнали у моих слушателей всех лошадей. Мы их продали в штате Арканзас, кроме одного гнедого, горячего коня, которого я придержал для собственного употребления. Креншоу он тоже понравился, но я его убедил, что конь этот ему не подходит».

Метод

Красть лошадей в одном штате и продавать их в другом было лишь незначительным отклонением в преступной исто-

СОДЕРЖАНИЕ

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ БЕСЧЕСТЬЯ

Предисловие к первому изданию <i>Перевод В. Андреева</i>	7
Предисловие к изданию 1954 года <i>Перевод В. Андреева</i>	9
Жестокий освободитель Лазарус Морель <i>Перевод Е. Лысенко</i>	15
Беспардонный лжец Том Кастро <i>Перевод Е. Лысенко</i>	29
Вдова Чин, пиратка <i>Перевод К. Корконосенко</i>	40
Преступных дел мастер Монк Истмен <i>Перевод Е. Лысенко</i>	50
Бескорыстный убийца Билл Харриган <i>Перевод К. Корконосенко</i>	61
Неучтивый церемониймейстер Кодзукэ-но Сукэ. <i>Перевод Е. Лысенко</i>	69
Хаким из Мерва, красильщик в маске <i>Перевод Е. Лысенко</i>	78
Мужчина из Розового салона <i>Перевод К. Корконосенко</i>	88
Список источников (приведен Х. Л. Борхесом в издании 1954 г.)	102

ET CETERA	
<i>Перевод В. Резник</i>	
Смерть богослова	104
Палата с фигурами	106
История о двух сновидцах	110
Отсрочка	112
Чернильное зеркало	116
Двойник Магомета	121

ИСТОРИЯ ВЕЧНОСТИ

Предисловие. <i>Перевод К. Корконосенко</i>	125
История вечности	
<i>Перевод А. Погоняйло, В. Резник</i>	127
Кёнинги. <i>Перевод Б. Дубина</i>	163
Метафора. <i>Перевод Б. Дубина</i>	189
Учение о циклах. <i>Перевод Е. Лысенко</i>	196
Циклическое время	
<i>Перевод К. Корконосенко</i>	214
Переводчики «Тысячи и одной ночи»	
<i>Перевод Б. Ковалева</i>	223
Приближение к Альмутасиму	
<i>Перевод Е. Лысенко</i>	265
Наука злословия	
<i>Перевод К. Корконосенко</i>	277
Примечания. <i>Б. Дубин</i>	290